

Олег РЯБОВ

г. Нижний Новгород

Богоспасаемый монастырь наш Преображенский стоит прямо на берегу Волги. Ну, не прямо на берегу, а в полугоре, но так, что все и волжские, и заволжские просторы открыты и братии, и богомольцам заезжим — любоваться ими не налюбоваться. Да и сам монастырь не прост, истории его может любой позавидовать.

И одна из самых старейших русских летописей была как бы здесь написана, и основатели кружка любителей благочестия начинали отсюда свой тернистый духовный путь в семнадцатом веке, и москвичи, скрываясь от Наполеона, Преображенский монастырь выбрали для своих молитв и скорбей. Поговаривают, хотя это и сплетни, что и царь Иван VI лет десять содержался, спрятанный тут, под глухим надзором в подземной каменной камере, прежде чем перевели его в Шлиссельбург, где уже и закололи.

В школьные годы мы в футбол играли прямо на территории монастыря, полуразрушенного да заброшенного, а в келейном корпусе располагались реставрационные мастерские. И здесь же, на территории бывшего монастыря, тогда, пятьдесят лет назад, стояли пчелиные ульи. Их было немного — штук десять или пятнадцать, и сейчас я припоминаю их очень отчетливо. Хотя чего их вспоминать, если моя бабушка каждый год брала мёд в слободе, небольшой деревеньке, примыкавшей к монастырю и состоявшей из частных маленьких деревянных скособоченных избушек? Значит, пасечник, хозяин тех ульев, и жил в слободе.

Давно это было.

В последние годы уже в новой России всё поменялось: отношение властей к церкви стало благостным и покровительственным, а народ стал понимать, что священники такие же простые люди: могут и выпить, могут и набедакурить. Хотя большинство людей моего поколения плохо представляют детали церковной жизни — невоцерковлённые мы! А вот в монастырь наш Преображенский бывает, что хожу я гулять как в парк — уж больно хорошо и красиво новый настоятель, игумен то есть, обустроил всё в нем: и клумбы с цветами насадил, и липы раскидистые столетние сохранил, и скамеечки чугунные, и дорожки плиточкой вымощенные. А на монахов посмотреть любопытно: то двое молодых

ПЧЕЛИНЫЙ

ПАПКА

рассказ

прогуливаются вдоль стены и разговаривают о чём-то об умном, а то другой уже старенький, согнувшись от усердия и шаркая большими и тяжёлыми ботинками, спешит-бежит куда-то.

Только редко хожу.

А вот соседка моя по подъезду Елена Ивановна часто туда ходит и много чего интересного мне рассказывает, пока мы с ней по утрам за молоком деревенским стоим на углу, ждём, когда подвезут. Елена Ивановна похожа на шарик или на большую девчоночью красивую куклу: твёрдая, накрашенная и всегда улыбается, даже когда сердитая. Она, по-моему, со мною заигрывает: обычно со всеми чуть ли не шёпотом говорит, а когда я появляюсь, начинает повизгивать.

Она, хотя женщина и без высшего образования, много любопытного знает о людях нашего города. Вот недавно от неё узнал, что Бубликов и Шапиро — родственники. Ну, ладно — Шапиро, ему сам бог велел быть чьим-нибудь родственником, а уж вот про Бубликова никак бы не подумал — ему-то зачем! Так ведь и я могу стать чьим-нибудь родственником благодаря Елене Ивановне.

И вот как-то раз мы с ней вдвоём на углу оказались. Стоим с бидончиками, ждём бочку с молоком, и говорит она мне:

— А вот, разлюбезный мой соседка, скажите на милость, зачем вы в монастырь ходите? Видела я вас там пару месяцев назад, в мае или уже в июне, сидели вы там на скамеечке. У вас там что, духовник служит?

— Да нет. Какой такой духовник? — отвечаю я.

— Ну, священник, к которому вы на исповедь или просто поделитесь своими проблемами ходите.

— Нет, Елена Ивановна, у меня никакого духовника, и проблемами своими я ни с кем не делюсь.

— Жаль! А вы не знаете там, в монастыре, монаха старого-престарого такого, Онуфрием зовут?

— Нет, — говорю, — первый раз слышу.

— Жаль, — хитро почему-то поглядывая на меня и покачивая головой, говорит соседка, — а я хотела у вас о нем подрасспросить. Он ведь очень высокого градуса священник.

— В смысле?

— Ну так если вы его не знаете, что я буду вам

навязываться со своей болтовнёй? Подумаете, что я пустобрёха какая!

А самой, чувствую, хочется со мной поболтать — что молча-то стоять. Решил я ей подсобить и говорю:

— Так что вы говорили про Онуфрия-то этого?

— А то, что он к нам в монастырь с севера откуда-то приехал. Как бы на пенсию заслуженную! Там, на севере, он был игуменом, то есть настоятелем какого-то большого-пребольшого монастыря и даже звание архимандрита носил. Это очень высокое звание церковное — почти генеральское, если на светские размеры переводить. А лет десять назад почувствовал он, что стареть стал, что трудно ему стало монастырским хозяйством заниматься. Написал он заявление на имя, на чьё следует, что, мол, прошу освободить меня от хлопот, силы и нервы уже не те, что требуются для серьёзной работы. И отпустили его с должности игумена, а вот звание архимандрита сохранили или нет — не знаю. А любопытно было бы узнать. Потому и спросила я у вас. Говорят, к нему за советами житейскими ездят люди чуть не со всей страны, как к старцам когда-то ездили.

— Нет, Елена Ивановна, не помогу я вам в таком деле, не знаю я никого в монастыре этом Преображенском.

— Жаль! А любопытно всё же. Говорят, что монах этот Онуфрий родом наш, и не просто наш, а прямо из слободы этой, что за монастырём стоит. Он в детстве отсюда уехал, до войны, когда гонения на священников были. Мамка его увезла, попадая местная, а отца его, священника, забрали в ОГПУ, и сгинул он. Лет десять назад Онуфрий сюда перебрался, больной весь был, в чём душа держалась — непонятно. Братия монастырская его выходила, они к нему уважительно относятся. А так как бездельничать в монастыре нельзя, то Онуфрий с благословения игумена нашего завел пасеку, вот — за пчёлками и ухаживает. Да так хорошо у него стало получаться, что про его удачу пчеловодческие рассказы рассказывают. Не слышали?

Я покачал головой.

— Я к нему после престола нашего за мёдом пойду, он мне всегда баночку маленькую даёт. Преображение-то у нас девятнадцатого?

— Да. «Шестое августа по-старому Преображение Господне»¹, — процитировал я, решив образцованность свою показать.

— Да-да, девятнадцатого. Батюшка Онуфрий всегда в Медовый Спас начинает мёд качать. Значит, после престола можно будет идти. А знаете, пчёлы очень интересные насекомые или животные — не знаю, как правильно сказать. Вот батюшка Онуфрий с ними разговаривает, они его слушаются, прямо так чудно. Вы как-нибудь с ним познакомьтесь. Когда рассказывают про дельфинов, которые людей спасают, или про медведицу, которая своего медвежонка к людям привела за медицинской помощью, чтобы занозу вытащила у её малыша из лапы, я понимаю — большие умные животные. А эти пушистые полосатые маленькие комочки, оказывается, такие же умные.

— Да, я тоже про такое слышал, — решил я немного поддержать разговор своими энциклопедическими знаниями. — Вообще, улей и пчелиный рой устроены очень интересно: там есть матка-царица, трутни, которых рабочие пчёлы к зиме выгоняют как ненужных нахлебников, и много ещё...

Но тут пришла цистерна с деревенским молоком.

Всё же любопытный я человек: и на следующий день после разговора с Еленой Ивановой я пешочком направился в наш монастырь — решил познакомиться с отцом Онуфрием, заинтриговала меня соседка своим рассказом.

Лето. Начало августа. К монастырю можно и на машине подъехать, а можно от автобусной остановки дойти — минут двадцать пешком. Дорога к монастырю от трассы шла через луговину — стрижи верещат, кузнечики стрекочут, бабочки порхают.

Опоздал.

В главном храме, Храме Преображения Господня, шло отпевание. Я ещё на подходе к стенам монастыря обратил внимание на изрядное количество машин с чужими номерами: и московские, и новгородские, и ярославские. Две тётки-пьянчужки, под видом нищенок собирающие мелочь-подаяние перед монастырскими воротами, рассказали мне про беду.

Скончался отец Онуфрий третьего дня. Отпевать его по высшему разряду, как отпевают

только иерархов церкви, приехал сам митрополит. Служба идёт уже третий час и сколько продлится, не знает никто, — долго!

Храм Преображения Господня не очень старинный, где-то начала девятнадцатого века, но очень большой. Я лоб перекрестил на ступенях его и не без труда через притвор протиснулся в зал, а там оказалось вполне просторно и прохладно, и благостно. Большая домовина стояла на специальном постаменте, покрытом красным ковриком, занимая пространство, и покойного больно-то и не было там видно.

Священник, служивший панихиду, солидный такой, весь в белом, что-то бубнил-бубнил себе под нос; потом хор мужской — запели они красиво так, высокими голосами. Я даже подумал, что запись через динамики пустили, потому что уж больно ладно получалось у них. Ещё обратил внимание, что очень контрастно одеты присутствовавшие: священники, службу ведущие, — все в белом, а остальная братия — в чёрном. И женщины-монашки, приехавшие, видимо, из соседнего монастыря, тоже все в чёрном. А простой народ — кто в чём, но заметно, что траурно одеты были. Потом этот солидный священник вышел из алтаря через царские врата с дикирием и трикирием в руках, ещё их, эти большие свечи, называют осеняльниками, и поставил их рядом с усопшим и дальше стал снова что-то читать.

И тут я увидел, что стволы свечей этих, и без того толстых, буквально облеплены, да ещё и в несколько слоёв, пчелами. И они шевелятся. Сначала я подумал, что это оттого, что свечи из воска, а потом, когда огляделся, до меня дошло. Да-да! Во всем храме стоял запах мёда, а не ладана, как всегда. И во всём храме этих пчёл видимо-невидимо — тысячи, если не миллионы. Потому, думаю, и народ-то весь на улице стоит. Чувствую, что мне на щеку пчела села, но не жалит. Смотрю — на руку ещё одна села, крылышки провентилировала и снова поднялась. А гул пчелиный стоит такой своеобразный: не угрожающий, а печальный.

Я не стал дожидаться конца отпевания и вышел на улицу — что я там буду стоять, если ничего не понимаю в происходящем. Солнышко све-

¹ Строчка из стихотворения Бориса Пастернака «Август».

тит, макушка лета; и только собрался я уходить — цоп, чувствую, что кто-то меня попрिдержал. Смотрю — незнакомая дамочка, а может, даже и знакомилась когда-то, только не помню я её, интеллигентная такая с виду, и говорит она мне:

— А вы не торопитесь, давайте до конца проводим отца Онуфрия. Вы ведь к нему приходили?

— Да, — говорю, — к нему.

— Его похоронят на старом погосте около храма, тут, сразу за алтарем. Это первые похороны такие почётные, что ли, за последнее время.

Осмелел я и спрашиваю у незнакомки:

— А кто это старший тут, который службу ведёт?

— Это епископ наш, владыко...

Да, не успела она мне ничего толком ни сказать, ни описать, потому что уставилась вдруг на крыльцо храма и на вход. А оттуда роем, а точнее спиралью заворачиваясь, полетели пчелы. Вылетели и встали тучей над нами, зеваками, пришедшими на прощание с батюшкой Онуфрием. Стоят облаком над нами и гудят, но не угрожающе. Тут я и понял, что главные действующие лица в этом обряде прощания — это как раз пчелы. Уж больно они серьёзную роль во всём этом играют. Не к месту подумалось мне, что вот захотят они — и вмиг это мероприятие прикроют. Их миллионы тут.

Потом пошло всё своим чередом: и гроб вынесли, и храм мы все вместе обошли, и могилка

там, за алтарём, уже выкопана была. Каким-то образом меня занесло прямо к могилке раскопанной, и оказался я рядом с владыкой, который службу отпевания вёл. Ему продолжать надо, а пчёлы густо-густо облепили гроб с покойным старцем. Издали — прямо дрожащая, шевелящаяся масса какая-то. И слышу я, как вполголоса, шёпотом почти, владыко говорит:

— Кыш, Божьи твари! Прощайтесь скорее с папкой своим и летите домой. Работать вам пора уже!

И невероятным совершенно образом пчёлы послушались его — с жужжанием поднялись они над могилкой и застыли тучей густой над провожающими. Потом загудели они, стоя на месте, видимо, вот так же они и улы свои вентилируют, и быстро-быстро, снова свернувшись в большую спираль, взвились над липами вековыми и полетели в одну им ведомую сторону.

Вот, пожалуй, и всё — с батюшкой Онуфрием познакомиться мне так и не удалось, а вот чудом своим пчелиным он меня сумел удивить.

□

Олег Алексеевич РЯБОВ

родился в 1948 г. в Горьком.

Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер».

Впервые стихи были опубликованы в газете «Ухта» Коми АССР в 1968 году.

Первая книга, повесть о войне, «Письма отца» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году.

С тех пор издано одиннадцать книг стихов и прозы.

Печатался в журналах «Нева», «Всерусский собор», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Кириллица».

Лауреат конкурса им. В. Шукшина «Светлые души» в г. Вологде.

С 2002 года член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

